

Чеслава Тэйваз

**Хранитель. Книга 5. Горнило
испытаний Великой Войны
1914-1916 годы**

18+

Чеслава Тэйваз

**Хранитель. Книга 5.
Горнило испытаний Великой
Войны 1914-1916 годы**

«Автор»

2026

Тэйваз Ч.

Хранитель. Книга 5. Горнило испытаний Великой Войны 1914-1916
годы / Ч. Тэйваз — «Автор», 2026

Как бы ты ни готовился к Войне, она всегда приходит внезапно, обрушиваясь как смерч, сметающий все на своем пути перекраивая укоренившиеся привычки, взгляды на устоявшиеся в офицерском кругу негласные нормы, например, так называемого неписанного Кодекса воинской чести, об отношениях между армейскими офицерами и офицерами-жандармами, даже если последние были из бывших армейских Расцветшая кровавым цветом в обществе Шпиономания, вновь испытывала меня на твердость Духа. Но я не извлек урок из прошлого, не сломил свою гордыню, не пересилил стадный инстинкт «нажираться» водкой и вином до уср*ки, не оттолкнул от себя льстецов, подталкивающих меня к пропасти - алкоголизму! Получив внеочередное звание, Есаул, я почувствовал себя «Всесильным» и ПРОИГРАЛ

© Тэйваз Ч., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Чеслава Тэйваз

Хранитель. Книга 5. Горнило испытаний Великой Войны 1914-1916 годы

Глава 1

В канун Нового 1914 года, в Кобдо, где я, по-прежнему, исполнял должность «Сверхштатного» сотрудника при Консульском Конвое, мне вручили долгожданный Высочайший Приказ о зачислении Сотника (Поручика) Романа Унгерн-Штернберг в запас «БЕЗ МУНДИРА и ПЕНСИИ» и причислении меня к войсковому сословию по Забайкальскому казачьему войску

Радость от того, что я официально ушел в отставку, сменилась непонятной тревогой. Чувство опустошенности почему-то наполнило душу. Передо мною остро встал вопрос дальнейшего пребывания в Монголии, так как работы «по профилю», мне, уже «гражданскому» лицу, никто не предлагал. Особой «предпринимательской хваткой», имевшей место у некоторых офицеров-штабистов, я не обладал. Денежное довольствие, выплаченное при увольнении, мой единственный источник дохода, таял на глазах. Спасибо сослуживцу, поручику Борису Резухину из Консульского Конвоя, который меня по-дружески поддерживал. Но садиться на шею приятелю было стыдно. Я метался в сомнениях

В середине января 1914 года, от младших родственников: брата Константина и сводной сестры Ренаты Марии-Теодоры-Елизаветы, - с которыми у меня сложились теплые отношения, я получил через почтовую связь новогодние поздравления – ОТКРЫТКИ - это новое «рисованное» увлечение, пришедшее в Россию из Англии в конце прошлого XIX века. А в конце января через канцелярию Консульского Конвоя мне передали письмо от Фридриха из Варшавы, которому я был искренне рад, так как писал кузен нечасто

В письме он сообщал:

- в Европе, все выше поднимает голову неприкрытая, оголтелая русофобия, особенно в Германии. Здесь, в Варшаве, появились «миссионеры», выделявшиеся, даже среди наших гвардейцев, ростом и превосходной «немецкой» выправкой, открыто распространявшие, на всех публичных мероприятиях, слухи о готовности западных монархов «хоть завтра» начать войну с Россией и уже поющих победные реляции немцам. К сожалению, никто из наших, с ними даже не спорил. Слушали и молчали! У австрийцев такая же ситуация и это несмотря на официальную позицию наследника Австро-Венгерского престола эрцгерцога Франца Фердинанда, который недавно, на церемонии вручения Верительных Грамот аккредитованными дипломатическими представителями заявил, что возможное столкновение Австро-Венгрии и Германии с Россией - гибельно для монархий. Противостояние открывает путь революции К сожалению, его высказывание, прозвучало «как глас вопиющего в пустыне» Роман, я подал Всеподданнейшее Прошение об увольнении от службы в связи с домашними обстоятельствами. Уповаю на благополучное его рассмотрение и надеюсь на нашу встречу в Ревеле, куда я намереваюсь уехать к родителям после завершения всех своих польских дел. Ты нужен мне С наступившим Новым 1914 годом! Храни тебя, Господь! Твой кузен Фридрих.

У меня тревожно заныло сердце от предчувствия приближавшейся Большой войны. Письмо Фридриха поставило точку в моих колебаниях. Я понял, что наступило время возвращения домой, в Россию.

Глава 2

В апреле 1914 года воинский эшелон, перевозивший одну из частей Уссурийской бригады, к новому месту дислокации, наконец-то дотащился до Ревеля. В доме Отчима, Оскара Фёдоровича фон Гойнинген-Гюне, меня встретил лишь брат Константин, работавший инженером-путейцем на Николаевской железной дороге. Сам хозяин, со слов брата, после 1907 года, смерти жены, Софи-Шарлотты, нашей матери, частенько отсутствовал. Он постоянно ездил «на воды» в Баден-Баден. Связь с домашними поддерживал только редкими письмами. О времени своего возвращения не сообщал. Константин не тосковал по Отчиму и, по-холостяцки, хозяйничал в доме.

- Роман, как хорошо, что ты вернулся. Теперь я не буду «дохнуть, как муха» от скуки после работы.

- Почему не заведешь «пассию»?

- Некогда Кстати, ты еще помнишь о нашем старом «родовом» особняке на окраине Ревеля?

- Ты о доме прадеда Отто-Рейнгольда?

- Да. Сейчас там живут родители Фридриха. Они переехали в Ревель из Дерпта.

- Константин, не знаешь: Фридрих вернулся?

- Он приехал вчера поездом. Я видел на вокзале дядю с тетей, когда они встречали его. Лицо Константина помрачнело.

- Что-то случилось?

- Роман, боюсь, что Фридриха ты не узнаешь

- Почему?

- По-моему, он болен Душевно болен

- А тебе не показалось? Возможно, Фридрих устал в дороге – путь от Варшавы до Ревеля не близкий. Кстати, Константин, у тебя есть номер их домашнего телефона?

- Да, коммутатор 12, номер 342-976.

На следующее утро, я позвонил по полученному номеру телефона.

- Алло- раздался надтреснутый и, как мне показалось, старческий голос. Я растерялся.

- Простите я хотел бы услышать баронета Фридриха Унгерн фон Штернберг.

Наступило продолжительное молчание, а затем глухо раздалось

- Слушаю Это я

- Фридрих! Это я, Роман! Я вчера вернулся. Ты не узнал меня? – с волнением воскликнул я.

- Узнал- ответил он равнодушным голосом.

Я сделал вид, что ничего не заметил.

- Перед отъездом из Монголии, я получил твое письмо. Ты не против сегодня встретиться?

- Не против, – его голос звучал нарочито равнодушно. – Я буду ждать тебя в 3 часа по полудню в кафе Клейн (Klein) на улице Колпи, 25.

- Хорошо, - ответил я, и мое радостное настроение испарилось

Фидрих повесил трубку. Я оторопел, услышав адрес места встречи. Неужели это то - самое, кафе, в котором, спустя 60 лет, я, Алекс Ветров, буду встречаться с Эрикой? К условленному времени, я подъехал к кафе. С волнением, отворив дверь, я увидел, похожие на прежние, из прошлой жизни, небольшие круглые столики с букетиками белых подснежников в маленьких вазочках. Они создавали уют, навевали спокойствие и воспоминания Посетителей в этот час было немного, всего человек десять, в основном, женщины с детьми. Я осмотрелся, и обратил внимание на столик напротив окна, в углу зала, за которым когда-то сидел вместе с Эрикой. Столик не пустовал. За ним, в одиночестве, расположился худой ссутулившийся поседевший мужчина. Сконцентрировав свое внимание на его лице, я с трудом узнал знакомые черты своего кузена. Еле сдерживая себя от нахлынувшего волнения, я «метнулся» к нему через весь зал.

- Фридрих!- закричал я.

Он поднял голову. В меня вперились мертвенно пустые равнодушные глаза. Губы презрительно скривились. Не отвечая на приветствие, кузен произнес:

- Роман, зачем ты так орешь, и почему так внимательно разглядываешь а меня? Ты тоже считаешь меня «душевнобольным»? - я опешил.

- Фридрих, тебе не кажется, что оскорбляешь меня? Я не смог сдержать своей радости, увидев тебя. И потом, монгольская степь – это не «будуар» польской аристократки. В степи «тихо» не разговаривают Ты, дорогой кузен, внешне немного изменился. Я тоже не стал моложе. Но разве это главное? Мы же с тобой, как у Редьярда Киплинга, «одной крови» и не только по родству, а и по дружбе?!

Фридрих надрывно закашлялся.

- Роман, знаешь, - и интонации его голоса потеплели, - я не могу спать Закрываю глаза, а передо мною лицо Аллоизы, я слышу гул Стоячей Волны и крики людей. Я стал бояться шума прибоя, вида кораблей в море и тем более совершать морские и даже речные прогулки. Я редко выхожу из дома А ты, как я вижу, спокоен и доволен жизнью Какое тебе дело до моих переживаний

Я понял, что жалеть его нельзя, давить на родственные чувства тоже нельзя, и тогда я решил немного рассказать о своей жизни после трагедии 6-летней давности

- Фридрих, после нашего расставания, когда я приехал в Забайкалье, к месту службы, то практически все свое свободное время убивал в пьянках. Как рассказывали офицеры-сослуживцы, после моего очередного «отходняка», я постоянно во время пьяных «возлияний» орал, что на наши головы сейчас упадет Стоячая Волна-Убийца. А после, в пьяном угаре, я называл каждую молоденькую девушку Даниэллой, признавался ей в своих чувствах, и насильно тащил в «нумера». Во хмелю, передо мною постоянно вставали силуэты Аллоизы, Даниэллы и твой, прости, кузен, пустой взгляд Фридрих, я не делился с сослуживцами своими переживаниями, поскольку считал их проявлением «душевной» слабости. Однако, инциденты, связанные с моими поступками под воздействием алкоголя, служили поводом к наложению командованием дисциплинарных взысканий, и негативно отражались на моем продвижении по службе. Фридрих, временами я был готов пустить себе пулю в висок Я не мог писать тебе об этомцензураи не хотел у тебя вызвать к себе чувства жалости

- А что же тебя вывело из этого состояния? Новая любовь? Или «монархический» экстаз? По твоим письмам из Монголии я понял, что ты превратился в «воинствующего» циника!

- Возможно. Но это лучше, чем постоянно жить трагическим прошлым. Фридрих, в Монголии, на войне с китайцами, я видел близко и доблесть и смерть сослуживцев-офицеров и нижних чинов, не «черни», а товарищей, казаков-разведчиков, прикрывавших своими телами меня, своего командира. Они могли бросить меня умирать, но не сделали этого. Конечно, гибель любимой – это невосполнимая утрата, Боль Сердца. Но мы же, Мужчины! Тогда, под свистом пуль, я, наверно, и стал воспринимать Смерть не как неотвратимое «зло», а как завершение очередного этапа существования, отведенного Мирозданием, моей бессмертной Душе, подготовкой ее к новому перерождению

Это была исповедь, не столько Романа Унгерн-Штернберг, а Алекса Ветрова - путника по «межвременью», и не только кузену Фридриху, а скорее невидимому исповеднику – Ангелу-Хранителю. Я проглотил застрявший в горле комок. Достал сигарету, но закурить не смог: мои руки тряслись как у заурядного алкоша. Кузен заметил это, но ничего не сказал.

- Фридрих! Нам необходимо встряхнуться! Давай поедem куда-нибудь на отдых, например, в ту же Германию. И сами, на месте, убедимся в правдивости либо очередной «утке» наших «журналюг» о приближающемся апокалипсисе - «Великой Войне народов»

- Хорошо. А куда конкретно направим свой путь?

- Давай в Баварию. Баварцы – потомки баваров и кельтов во многом отличаются от немцев – алеманов, кровь которых смешалась с кровью франков и саксов. Внешне среди баварцев чаще встречаются брюнеты и шатены, а не блондины. Они более низкого роста и крепкого приземистого сложения. Их баварский диалект существенно отличается от литературного немецкого. Баварцы считают свою землю особенной и гордятся, что ее официальное «федеральное» название – «Свободное государство Бавария». А совсем недавно, баварцы имели шанс основать собственную государственность

- То есть, по-твоему, Бавария – это государство в государстве, как Ватикан?

- Ну, не знаю, можно ли так говорить. Как «автономная» область, наверно, будет правильней. Думаю, чтобы объективно оценить внутреннюю обстановку в Германии, отношение немцев к русским, лучше всего, находясь внутри нее, но не в центре, столичном регионе, а «на задворках», в той же Баварии. Кроме того, нам необходимо «привести в порядок» свою физическую форму – жизнь нас все-таки потрепала. Кстати, на Востоке, в Общественной библиотеке Благовещенска, я, не так давно, прочел рекламные статьи известных врача-бальнеотерапевта Карла Франца Даппера и его партнера, видного психоаналитика доктора Георга Гроддека о восстановлении психологического состояния человека, попавшего в стрессовую ситуацию. Навел справки. У Даппера, в Баварии, курортном Бад-Киссингене, в собственности, есть небольшой санаторий «Даппер Хотел». А герр Гроддек проводит в санатории постоянные консультации для пациентов и гостей. Отзывы неплохие. Подумай, Месячишко для «латания» здоровья, нам, «отставникам-резервистам», не мешает.

- Роман, прости, что усомнился в тебе, как ДРУГЕ. Думал, ты будешь меня успокаивать и жалеть. Я согласен! Мы едем! Надеюсь, что наши сборы будут не долгими

- А сейчас, Фридрих, давай «по чашке чая»

Я заказал знакомый, Алексу Ветрову, по названию из прежней жизни, карамельно-миндальный десерт и фруктовый чай.

Глава 3

В конце мая, солнечным утром, нас с Фридрихом встретил курортный городок Бад-Киссинген, расположенный в северной части Баварии, называемой Франконией.

Санаторий «Даппер Хотел» считался новым, так как его строительство было окончено всего лишь десять лет назад, в 1904 году. В рекламных брошюрах он значился как бальнеотерапевтический курорт. Большое трехэтажное здание утопало в окружении цветущих садов и дарило атмосферу безмятежности. Санаторий был оборудован питьевыми галереями, бюветами, где отпускали минеральную воду, бассейнами, ингаляториями и т.д. В северной части санатория располагался старейший в Баварии целебный источник, Максбруннен, известный с 1520 года, и славившийся своими минеральными водами. Название источник получил в честь короля Максимилиана I Баварского в 1815 году. С точки зрения лечебных возможностей и оригинальных, в архитектурном плане, построек, приспособленных под проведение процедур, Бад-Киссинген превосходил даже всемирно известный курортный Баден-Баден.

Пациентами и гостями санатория, желавшими «спокойного» отдыха, были люди одного «круга»: представители европейской аристократии, политики, военные, среди которых значились имена: Отто фон Бисмарка, королевы Пруссии, немецкого композитора Рихарда Штрауса и многих других. Проводимые лечебные процедуры улучшили наше физическое и моральное состояние. Мой кузен постепенно набирал вес, его кожа из серовато-желтой стала приобретать нормальный бледно-розовый оттенок, мелкие морщины на лице исчезли, плечи расправились, волосы на голове стали гуще и приобрели блестящий цвет.

Я замечал, как часто Фридрих вглядывался в толпу отдыхающих, ища кого-то глазами, особенно среди женщин, но каждый раз мне удавалось отвлечь его внимание на что-то другое: животных и птиц, рассказы о смешных случаях, связанных с моим - псом Курцхааром - Мишкой и домашним беркутом Степкой. Их, к сожалению, уезжая из Монголии, мне пришлось

оставить на попечении приятеля Бориса Резухина. Я рассказывал о смешных случаях на степной «лисей» охоте. Вспоминал о первых занятиях с дядюшкой Львом Яковлевичем, когда он, с «мужским юморком» распекал нас за невнимание при распознавании минералов. По совету доктора Гроддека, я старался в разговорах не упоминать ни Аллоизу, ни Даниэллу

Помимо лечебных процедур в залах «Брунненхалле», спроектированных мюнхенским архитектором Максом Литтманом, в городке «била ключом» обширная культурная программа: музыкальные вечера в Концертном зале Регентенбау, названном в честь принца-регента Баварии Луитпольда; оперные спектакли и балетные постановки в Куртеатре, построенном в 1904 году тем же мюнхенским архитектором Максом Литтманом; дегустации прекрасных виноградных вин в гостевом зале Винодельни Вейнстубе Ребсток, на Кюрхаусштрабе, 14. Однако, наши «культвылазки», дарившие положительные эмоции, были омрачены двумя событиями, которые заставили вспомнить о цели нашего пребывания здесь, в Германии, и переходе из «благостного режима щенячего восторга» в режим «настороженности» и «глухой обороны»

За неделю до окончания срока пребывания в санатории, в галерее Вандельхалле, ее Концертном зале, мы слушали увертюру к опере Рихарда Вагнера «Нюрнбергские мейстерзингеры». В афише значилось, что выступление оркестра – единственное экспериментальное и пройдет в стиле АВАНГАРД. Этот рекламный «крючок» был проглочен меломанской публикой. В зале АНФЛАГ.

Наши места были в середине пятого ряда. Обзор великолепный. Оркестр располагался на сцене, медленно «вращавшейся» вокруг своей оси, что придавало исполнению необычное завораживавшее мистическое звучание.

Но меня насторожило другое, на одном из нотных пюпитров, стоявшим перед молоденькой скрипачкой, я увидел небольшой коричневый бочонок, похожий на тот, который выписывался врачами как лекарство, помогавшее человеку держаться на уровне «нормальной возбужденности», и продавался в аптеке санатория. Я присмотрелся и увидел на пюпитрах у нескольких других оркестрантов такие же бочонки. Этот коричневый бочонок был наркотиком, КОКАИНОМ, на один грамм, от немецкой фирмы «Марк». Я, Алекс Ветров, знал, еще по Афганистану, какое разрушительное действие оказывали наркотики на человеческую психику, поэтому понял, почему лица у оркестрантов – ничего не выражавшие МАСКИ

Звучание нот, в купе с техническим новшеством, «вращавшейся сценой», походило на «движение волоконных нитей» в процессе ткачества. Звуки музыки искусно свивались Дирижером, как пауком, в единый разрастающийся с каждым тактом «энергетический» сгусток, который, как призрачный туман-паутина, ОБВОЛАКИВАЛ И ПОДАВЛЯЛ ВОЛЮ слушателей «несокрушимостью» «НЕМЕЦКОГО ДУХА». Финальную часть увертюры немецкая публика слушала стоя, гордо задрав подбородки, яростно сжав кулаки, агрессивно поглядывая на нас, «не немцев», продолжавших сидеть. Эмоциональное состояние слушателей-иностранцев, большей частью русских, сложно описать: оно было подавленным. Едва прозвучали последние такты увертюры, мы с Фридрихом, не желая «попасть под горячую руку» «наэлектризованной» немецкой публики, сразу ретировались из зала.

Наконец, месячный срок пребывания в санатории подошел к концу.

В «Прощальный» вечер, в Бад-Киссингенском парке, собралось много народа, включая весь «отъезжавший домой» русский аристократический бомонд. Аллеи парка были убраны гирляндами и транспарантами. Со всех сторон гремела русская музыка. На Центральной площади парка располагались большие фанерные декорации, с высокой точностью изображавшие Московский Кремль, с его стенами и башнями, собором Василия Блаженного.

Когда зазвучала увертюра Петра Чайковского «1812 год», разразился грандиозный фейерверк, с пальбой пиротехническими ракетами. Огромная масса искр и огней с треском обрушилась на бутафорские фанерные сооружения. Начался пожар, который быстро разрастался. Однако Пожарная команда, почему-то задерживалась Присутствовавшая при этом «действие»

немецкая публика кричала, вопила от восторга, когда при падении последней «Кремлевской» стены, над пеплом сгоревших декораций, под грохот апофеоза фейерверка загремел Немецкий Национальный гимн. Мы были поражены и молчали в недоумении. Об этом «прощальном» вечере в парке Бад-Киссингена также написал в своих воспоминаниях генерал от кавалерии Алексей Алексеевич Брусилов, который отдыхал в то же время, что и мы, но в другом санатории. Анализируя, прошедшие события, мы с Фридрихом пришли к однозначному выводу, что русские журналисты были правы в отношении нарастающей в немецком обществе антирусской истерии, и в том, что **ВОЙНА НЕ ЗА ГОРАМИ**. На следующий день мы выписались из санатория и срочным порядком возвратились домой в Россию, в Ревель. Позднее я узнал, что по «аналогичному» сценарию «разрушения бутафорских декораций», прошли Представления «немецкой мощи» в Баден-Бадене, Висбадене и Бад-Эмсе.

Глава 4

Прошла неделя после нашего возвращения.

28 июня 1914 года прозвучал выстрел в Сараево. Боснийский серб, 20-летний Гаврило Принцип, член тайной националистической организации «Млада Босна» застрелил наследника Австро-Венгерского престола эрцгерцога Франца Фердинанда и его супругу графиню Софию фон Гогенберг. Реакция русской прессы на это событие в Сараево, была практически молниеносной: 29 июня - в газете «Новое время» опубликована статья «К кончине эрцгерцога Франца-Фердинанда», 30 июня - в газете «Русское слово» - статья «Злое дело», 02 июля - в газете «Русские ведомости» - статья «Трагедии венского Гофсбурга» и т.д. Во всех статьях, ведущие русские издания, последовательно, с «положительными» комментариями, обосновывали и защищали просербскую позицию. Журналисты жестко критиковали «венских шовинистов» за их нескрываемое желание «разобраться» с Сербией, «опасным дунайским соседом», именуемым в прессе «заразной болезнью», разъедавшей Австро-Венгерскую монархию. Акцентируя внимание читателей **ТОЛЬКО** на «деталях» самого «местечкового» происшествия – полицейского расследования убийства, личности убийцы, журналисты **НЕ ДЕЛАЛИ ВЫВОДОВ**, прямо затрагивавших интересы российской империи, и не выдвигали предположений о возможных глобальных последствиях инцидента, а также роли в нем, рвущейся к европейскому господству Германии, уже ведущей информационную войну против России.

28 июля 1914 года, ровно через месяц, Австро-Венгрия **ТЕЛЕГРАММОЙ** объявила **ВОЙНУ** Сербии, и в **ТОТ ЖЕ ДЕНЬ** начала **АРТИЛЛЕРИЙСКИЙ ОБСТРЕЛ** Белграда. Сербское Правительство обратилось за поддержкой к России, как гаранту мира по Сан-Стефанскому мирному договору и Берлинскому трактату 1878 года. Кроме того, реакция России была важна Сербии и потому, что длительные торгово-экономические отношения и двусторонние договоры по вопросам судоходства по Дунаю приносили казне обоих государств существенную прибыль. Более того, незадолго до официального объявления Австро-Венгрией войны Сербии, в начале июня 1914 года, между монархами, Королем Сербии Петром 1 Карагеоргиевичем и Российским Императором Николаем II, были подписаны Договоренности об оказании Россией военной, военно-технической и гуманитарной помощи Сербии при **ЛЮБОМ** развитии ее конфликта с Австро-Венгрией. Безусловно, Договоренности не были полновесным договором, но нельзя «уничтожать» достоинство монарха. Поэтому, 29 июля 1914 года Россия, верная своим «монаршим» договоренностям, направила в Берлин Ноту протеста, с требованием о прекращении Германией военных действий против Сербии. В документе указывалось, что в противном случае Российская империя вправе объявить у себя частичную мобилизацию. Однако ответа на российское обращение из Берлина не последовало. Тогда же был обнародован Высочайший Манифест. В его тексте указывалось на то, что

- Австро-Венгрия предъявила Сербии заведомо неприемлемые для державного государства требования. Презрев уступчивый и миролюбивый ответ Сербского Правительства, отвергнув доброжелательное посредничество России, Австрия поспешно перешла в вооружен-

ное нападение, открыв бомбардировку незащищенного Белграда Вынужденные принять необходимые меры предосторожности, Император перевел армию и флот на военное положение, Государь приложил все усилия к МИРНОМУ ИСХОДУ НАЧАВШИХСЯ ПЕРЕГОВОРОВ Однако, ГЕРМАНИЯ, союзная Австрии, ВОПРЕКИ ЗАВЕРЕНИЯМ что ПРИНЯТЫЕ МЕРЫ отнюдь НЕ ИМЕЮТ ВРАЖДЕБНЫХ ЕЙ(Германии) ЦЕЛЕЙ, стала домогаться немедленной их отмены

29 июля 1914 года в Российской Империи была объявлена Всеобщая мобилизация, а 1 августа 1914 года - Посол Германии вручил в Министерстве иностранных дел Российской империи официальную НОТУ ОБ ОБЪЯВЛЕНИИ ГЕРМАНИЕЙ ВОЙНЫ РОССИИ.

Глава 5

С начала войны, страна испытала необычайный подъем патриотических чувств. Толпы народа всякого звания и положения ходили по улицам с царскими портретами и флагами. Прибалтийские немцы и шведы не были исключением. Однако, НЕСМОТРЯ НА ПАТРИОТИЧЕСКУЮ ПОЗИЦИЮ, которую заняло остзейское дворянство, в России ВСПЫХНУЛА ВОЛНА ШПИОНОМАНИИ, которую нельзя было игнорировать. Поэтому для остзейцев-офицеров императорской армии, было ЖЕЛАТЕЛЬНЫМ уехать из столичного региона в ДЕЙСТВУЮЩУЮ армию.

01 августа 1914 года, я со своими родственниками: кузеном Фридрихом и младшим братом Константином, прибыли на Сборный пункт запасников в Ревеле, из которого я был направлен в 34-й Донской Казачий полк 5-ой армии, которая вела бои в составе Юго-Западного фронта в Галиции. Фридрих и Константин – были направлены на Северо-Западный фронт во 2-ю действующую армию генерала Александра Васильевича Самсонова – в Лейб-гвардии Кексгольмский полк 3-ей Гвардейской пехотной дивизии 23-го армейского корпуса, где ранее проходил службу Фридрих.

Наше пребывание в действующей императорской армии сложилось по-разному.

По прибытии к месту службы, в 34-й Донской Казачий полк, и при представлении командиру полка Войсковому Старшине (Подполковнику) Грекову Сергею Матвеевичу, у нас состоялся небольшой, но важный для меня разговор.

- Ваше Высокоблагородие, сотник Унгерн фон Штернберг прибыл для дальнейшего прохождения службы.

- Проходите Господин Сотник. Мы здесь с Вами tet-a-tet, поэтому предлагаю перейти к общению без официоза... Присаживайтесь.

- Благодарю Вас, Сергей Матвеевич.

- Роман Федорович сегодня, на фронте и в тылу, из-за пропагандистских действий неприятеля, сложилось негативное отношение к подданным империи нерусской национальности, особенно к немцам. Это отношение «активистов», псевдо-патриотов, целенаправленно перерастает в погромы и убийства иноверцев. Чтобы не было между нами недопонимания, сразу хочу уведомить Вас, что я не поддерживаю подобных «выступлений» в обществе, и тем более армии, потому что «игры» в «предателей и изменщиков» «разъедают» не только существующее между людьми доверие, которым сильно государство, но и подрывают сами его устои А это - прямой путь к революции Не скрою, я ознакомлен с Вашим Личным делом, положительными характеристиками Ваших непосредственных начальников и отзывами сослуживцев и подчиненных. Надеюсь, что упоминание в некоторых отзывах о Вашем «неспокойном» характере, не будет являться помехой в несении Вами службы в моем полку, в это тяжелое для нашего Отечества время. Зная Ваши «увлечения» индивидуальными «рейдами» в тыл противника, думаю, что они не будут противоречить сложившейся на фронте обстановке. И еще в связи с гибелью командира разведгруппы полка, Вам придется временно принять руководство на себя. Легкой жизни не гарантирую. Полагаю, что я ясно выразился и поставил точки над «i». Если у Вас нет вопросов, - считаю разговор оконченным.

- Благодарю Вас, Ваше Высокоблагородие, за понимание. Оно важно для меня

Я вышел от командира полка обескураженным, так как не ожидал подобного разговора. Офицеры-сослуживцы полковой разведывательной группы, в основном недавние выпускники военных училищ, встретили меня настороженно, и не только из-за немецкой фамилии, а в связи с моим назначением ВРИО командира команды вместо погибшего.

В силу своего характера, возраста (почти 29 лет!), наличия боевого опыта, которого у большинства молодых офицеров не имелось, я, сразу взялся за дисциплину, «начал указывать» на нарушения, в том числе, при подготовке в рейды, на «недопустимость» использования во время рейдов в тылу противника, стимулирующих веществ, таких как, алкоголь и «разрешенные» наркотики. Мои «благие порывы» вызвали у молодых офицеров «всеобщее» возмущение, что чуть не привело меня к дуэли с хорунжим (подпоручиком) графом Николаем Побелидзе, метившим на место командира разведгруппы. Прибывший «на разборку», командир полка быстро с нами разобрался, пригрозив обоим трибуналом, при нарушении в «следующий» раз Высочайшего запрета. Через два дня, командир полка, присутствуя на занятиях офицеров разведгруппы по физической подготовке, обратил внимание на их слабое знание приемов рукопашного боя. Мне было приказано продемонстрировать свое умение. Демонстрацию приемов я провел в «связке» с нижними чинами, казаками «двойки», постоянно сопровождавшими меня в разведрейдах. Мой официальный оппонент, граф Побелидзе, назвал наши действия в спарринге – «цирком» и «добровольно» вызвался показать свои «умения» в «единоборствах». Однако, сначала я, а потом и казаки моей «двойки» «мягко» «намяли» ему бока. А к командиру полка тут же «улетела» жалоба от анонимных «доброжелателей», указывающих на провоцирование мною нижних чинов к «унижению достоинства» офицерского корпуса. И если бы не свидетели, подтвердившие «добровольность» участия хорунжего Побелидзе в спарринге, то трибунал был бы мне обеспечен. Чтобы снизить накал страстей в разведгруппе, по устному распоряжению командира полка, мне пришлось включить хорунжего в свою группу, в «индивидуальный» рейд в тыл. В ходе выполнения задания, мои казаки, спасли жизнь Побелидзе, не применяя, в силу сложившейся обстановки, ни огнестрельного, ни холодного оружия, используя лишь приемы рукопашного боя. По возвращении из рейда, в Отчете командиру полка о его результатах, Побелидзе дал объективную оценку своим действиям, чуть не приведшим к его собственной смерти и срыву выполнения задания. Граф высказался за необходимость в проведении совместных тренировок с нижними чинами в целях подбора кандидатов в личные «тройки» (офицер + 2 нижних чина), отработки с ними совместных действий в разведывательных операциях в глубоком тылу противника. Но самой приятной для меня неожиданностью, было принесение хорунжим Побелидзе публичного извинения мне, как наставнику по рукопашному бою, за свое «недостойное» поведение. «Покаяние» состоялось на построении молодых офицеров перед проведением мною занятий по спецподготовке.

26 октября 1914 года, в ходе «индивидуальной» разведки, в практической близости от окопов противника, у хутора Подборек административного округа Гмина Рытвяну, в южной Польше, под непрерывным ружейным и артиллерийским огнем, мне удалось своевременно передать командованию сведения о местонахождении неприятеля, скорректировать залпы артиллерийских батарей по дотам и пулеметным гнездам в двух-километровой линии германских траншей. Использование данной информации принесло успех в общем наступлении корпуса. За эту «вылазку» я был награжден ПЕРВОЙ БОЕВОЙ НАГРАДОЙ – Орденом Святого Георгия 4-й степени. Она была самой почетной наградой в Российской империи и самой дорогой для меня из всех наград, полученных позднее. В период за 1914-1917 годы кавалерами Ордена Святого Георгия 4-й степени стало всего 3504 человека.

Глава 6

Фридрих и Константин сражались в составе Лейб-гвардии Кексгольмского полка под командованием генерал-майора Александра Михайловича Малиновского.

В соответствии с Планом наступательной Восточно-Прусской операции, разработанным Ставкой под руководством Верховного Главнокомандующего Великого князя Николая Николаевича - двум армиям, входившим в состав Северо-Западного фронта: 1-ой – под командованием генерала Ранненкампфа, развёрнутой по реке Неман в районе Ковно, и 2-ой - под командованием генерала Самсонова, в подчинение которой входили крепости Гродно, Осовец, Новогеоргиевск, - надлежало соединиться в единую ударную группировку и разгромить 8-ую германскую армию, сосредоточенную в Восточной Пруссии.

4-го и 7-го августа 1914 года, первой вступила в соприкосновение с противником, 1-ая армия, которая во встречных сражениях нанесла поражение основным силам 8-ой германской армии и заставила ее отступить «К ВИСЛЕ». Командующий Северо-Западным фронтом, генерал Яков Григорьевич Жилинский, получив это сообщение, единоличным решением, без согласования с командующими армиями, без анализа разведданных по всему фронту, без уведомления Ставки об изменениях в ранее утвержденном Плане наступательной операции, счел ИСПОЛНЕНИЕ ранее поставленной задачи по объединению 1-ой и 2-ой армий в единую ударную группировку – НЕЦЕЛЕСООБРАЗНЫМ. В связи с этим, Командование фронтом поставило перед 1-ой армией новую задачу: отсечь и уничтожить «отступившие» «ЗА ВИСЛУ»(!) основные силы 8-й германской армии от ее Кёнигсбергской группировки, находившейся в городе. Единоличное решение, принятое Командующим Северо-Западным фронтом Жилинским, привело к тому, что русские армии стали наступать по РАСХОДЯЩИМСЯ направлениям, и между ними образовалась огромная брешь в 125 километров. Командование 8-ой германской армии воспользовалось образовавшимся разрывом между русскими армиями, и беспрепятственно перебросило почти все свои резервы против 2-ой армии генерала Самсонова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.